

Список литературы

Бурдые П. Поле литературы [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*, №45, 2000, С. 22-87. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-literature> (дата обращения: 06.04.2022).

Зацепин К. А. Эссе: от философии к литературе [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*, №4, 2010, URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/4/esse-ot-filosofii-k-literature.html> (дата обращения: 06.04.2022).

Зацепин К. А. Жанровая форма эссе в параметрах художественного // *Вестник СамГУ* – 2005. – № 1 (35). – С. 77–80.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв.ред. В. П. Адрианова-Перец. – Л. : Наука, 1967. 249 с.

Скотницка А. СУБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭССЕ МИХАИЛА ШИШКИНА О ПИСАТЕЛЯХ // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*. 2021. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektnye-otnosheniya-v-esse-mihaila-shishkina-o-pisatelyah> (дата обращения: 06.04.2022).

Шишкин М. П. «Бегун и корабль» / М. П. Шишкин // *Буква на снегу: три эссе* / Михаил Шишкин. – М. : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 184, [8] с.

Boldueva M. V. «Runner and Ship» by M. Shishkin: memories of a friend as a synthesis of genre strategies

Abstract. The article considers M. Shishkin's essay «Runner and Ship» as a synthesis of genre strategies. Within the boundaries of the essay genre, the author-hero tries to realize V. Sharov as a creator, and as a participant in the «production of literature», and as a person through his own life and writing experience. This awareness is built as memories of a recently deceased friend, which develop into questions to him as a writer-prophet, the structure of which is built according to the laws of crying-pricheti. This genre gathers other genre modifications into a single whole.

Keywords: M. Shishkin, Sociology of literature, essay

М. П. Шемякина

(научн. руководитель Н. П. Хрящева)

*Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия*

Эпистолярное толкование мифа об Электре в романе Вл. Шарова «Царство Агамемнона»

Аннотация. Цель данной работы – выявить эпистолярные жанры как систему, проявляющую реальную действительность XX века, и показать ее сущностный смысл посредством взаимосоотнесенности с древнегреческим мифом, который основан на истории микенского царя Агамемнона, поборника правды, и его дочери Электры. Фактология трагических событий недавнего века оказалась высвеченной глубиной мифа, что позволило Вл. Шарову показать в романе образ реального человека в реальной истории как истину.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, Электра, миф, Шаров, Царство Агамемнона

Письмо, благодаря своим особенностям, является одним из самых «свободных» текстовых жанров, который позволяет наиболее полно самовыразиться автору, обеспечивая коммуникацию адресата и адресанта: не только героя с героем, но и автора с читателем. Ту

же цель преследует и мифологизация, являясь одним из основных художественных приемов, использованных Вл. Шаровым в своем романе.

Миф – термин многозначный, его значение менялось на протяжении истории в зависимости от подхода к пониманию сути явления: «сказание о богах», «вымысел», «представление о мире» и т. д. [Константинов, Резвых 2012: 475]. Миф с древних времен являлся источником для художественного творчества. С его помощью авторы не только наследовали традиции, но и находили объяснение новым явлениям, которые ложились на мифологическую основу, помогая понять и интерпретировать материал действительности, превращая его в художественный текст разных жанров. Шаров в названии романа и мифологических именах своих героев прямо указывает на эту важнейшую функцию мифологии в произведении. Вторым опоронесущим элементом в созидании романного целого является система эпистолярных жанров. Она позволяет писателю конструировать внутренний мир героев как бы помимо авторской оценочности; иными словами, максимально приблизиться к истине через фактологичность различных эпистоляриев.

Как это связано с мифологизацией?

Миф в понимании Д. С. Лихачева – это «представления, которые окружают непосредственную данность» [Лихачев 1996: 6]. Для человека с самого зарождения человеческой цивилизации было необходимо осмысление окружающей действительности (т.е. «данностей»). Однако Лихачев утверждает, что человеку истину невозможно понять, какими бы средствами он не пытался это осуществить. Но можно к ней приблизиться посредством науки, культуры и т.п.: «Любое познание <...> через человеческое сознание есть мифологизация» [Лихачев 1996: 7], роль которой возрастает параллельно с возможностью возникновения элемента случайности или стремлением ввести в познаваемое нечто новое. «Миф упрощает мир», делает его понятным для человека, но не открывает истину, а лишь через интерпретацию данности приближает к ней, что, на наш взгляд, соответствует художественной цели Шарова. Задача данной статьи – показать взаимодействие системы эпистолярных жанров с мифическими «одеждами» героев в поисках исторической истины.

В нашем исследовании мы используем широкое понимание эпистолярных жанров, т.н. «эпистолярного наследия Электры», в число которых входят эго-тексты: непосредственно письма персонажей друг другу (эпистолы), дневниковые записи героя-повествователя, устные воспоминания (зафиксированные письменно в дневнике), донесения и протоколы допросов. Подбор жанров и их художественное применение в тексте подчеркивает особое стремление автора показать события и «поступающее сознание» (М. Бахтин) героев в их непосредственной фактологичности.

Наиболее характерным эпистолярным жанром в романе являются письма. Они играют сюжетно- и смысло-образующие роли. Например, многочисленные эпистолярии, написанные Галиной Николаевной от имени старца Никифора пастве отца Игнатия, преследовали целью сохранить власть над прихожанами и самим Игнатием, которую над ним имел в свое время Жестовский, посвящая в религию истины во время лагерного заключения. В подделывании писем Галина не признается, несмотря на догадки самого Игнатия, сославшись на то, что причиной ее поступка был вовсе не грех и в исповеди она не нуждается, намекая на исполнение своего долга. Другим непосредственно эпистолярным наследием становится единственное в тексте подлинное письмо от Жестовского Игнатию, опубликованное в финале романа и являющееся его философской кульминацией. В нем главный герой – сам Агамемнон-Жестовский – излагает свою точку зрения на духовное состояние российского общества, приходя к неоднозначным выводам. Здесь наиболее характерно отражается принцип авторской «безоценочности», т. к. читатель слышит лишь незамутненный голос героя, чья точка зрения на происходящее превалирует в романе. Документ является квинтэссенцией философии Жестовского: «В этой прелести, что я, что другие прожили почти век» [Шаров 2018: 670].

Другим эпистолярным наследием становятся дневниковые записи героя-повествователя Глеба, которые объединяют части романа, как то: протоколы допросов, которые он читает в архиве, письма Жестовского и Галины, а также – самое основное – записи галининых воспоминаний, сделанные им по памяти сразу после их ночных разговоров. Эти записи представляют собой пропущенные через восприятие Глеба воспоминания Галины о собственном отце, т.е. интерпретация интерпретации произошедших событий, что в свою очередь приводит к еще большей мифологизации романной действительности. «Беседы» Галины и Глеба – единственный акт непосредственной передачи истины Происходившего от героя к герою – через устный разговор, а не письменный источник, который создается во время романного действия.

В связи с этим следует упомянуть и характер рассказывания самой Галины Николаевны Жестовской – романной Электры, что по своим жанровым признакам схож с воспоминаниями. Электра, как уже было упомянуто выше, единственное «живое» лицо, поведавшее рассказчику о «Царстве Агамемнона», романе, который в тот момент уже был уничтожен физически (но продолжал существовать в текстах протоколов допросов и в памяти самой героини) и о жизни Николая Жестовского (которая послужила основой для романских событий). Героиня с самого начала их встреч с Глебом попросила называть ее «Электрой», а Глеб впоследствии отмечает, что «ее жизнь, и жизнь ее родни впрямь строилась по греческим лекалам» [Шаров 2018: 54]. Так мы впервые встречаемся с мифологическими архетипами, понимание смысла которых возможно лишь при обращении к их источнику: мифу об Электре.

Миф об убийстве Клитемнестры и ее любовника – Эгисфа – собственными же детьми (Электрой и Орестом) в качестве мести за убийство собственного отца – Агамемнона – (что тоже было своеобразной мстью Клитемнестры за свою несчастную судьбу) сохранился лишь «в стилизованной и драматизированной форме», поэтому о его происхождении можно только догадываться [Грейвс 1992: 266]. Р. Грейвс считает, что повествование о трагических событиях в доме микенского царя восходит к доэллинической религии, когда дети монарха получали воспитание, центральной идеей которого было воспевание матери как оплота царства. Это выдвигает на первый план фигуру Клитемнестры, но не Электры. Почему же акцент с образа царицы (хозяйки очага) явно смещается на ненавидящую ее дочь-изгнанницу?

Грейвс описывает эту ситуацию как влияние варианта, созданного жрецами Аполлона и Афины, целью которого было покончить с «религиозной аксиомой, <...> когда материнство ставилось выше отцовства» [Грейвс 1992: 271]. Варианты эти и отразились в трагедиях древнегреческих классиков, которые запечатлели на бумаге свой миф, демонстрируя «некоторую свободу в обращении с традицией» [Грейвс 1992: 271]. Первым к мифу обратился Эсхил, чей труд был взят за основу Софоклом и Еврипидом, впоследствии во многом изменившими сюжетное наполнение действия, сделав его более правдоподобным. Во всех трех вариантах Электра имеет разные особенности характера, но неизменными остаются ее ненависть к матери и отчиму, желание справедливой кары за убийство отца и подбивание на свершение мести собственного брата.

В отличие от Эсхила, создавшего трагедию «Плакальщицы», два других трагика подчеркивают в происходящем особую роль Электры, выводя ее имя в название. Во всех вариантах она предстает верной дочерью почившему отцу, смерть которого требует справедливого отмщения. Движущей силой ее поступков является месть, которую она, тем не менее, не совершает собственными руками, принимая лишь опосредованное участие в предсказанной трагедии. Поглощаемая собственной жадью мести, она «руководствуется как чувством долга к погибшему отцу, так и ненавистью к воцарившемуся в Микенах Эгисфу» [Ярхо 1990: 1117]. Таким образом, Электра способствует воцарению справедливости.

Особенность воспоминаний Галины-Электры, передаваемых Глебу, состоит в том, что она, будучи единственной наследницей творчества отца, все рукописи которого уничтожены

КГБ, являет собой преданную дочь, которая пытается бережно передать «наследство» – роман, живущий теперь лишь в ее памяти, а ранее – в памяти ее матери-переписчицы, женщины редкой красоты, якутской княжны, горячо любимой Жестовским. Сложные отношения трех главных фигур – Агамемнона-Жестовского, Клитемнестры-якутки, их дочери Электры-Галины «собираются» древнегреческим мифом в некое единство, обладающее способностью по определению наполняться новым смыслом, прорасти, трансформироваться в иные мыслеформы.

В этом плане воспоминания Электры-Галины – это попытка разгадать личность отца посредством длинного рассказа, в мельчайших подробностях описывающего духовную жизнь их семьи на протяжении XX века через призму античного мифа.

Другим эпистолярным жанром, роль которого возрастает во второй части повествования, является протокол. В данном случае – протокол допросов Жестовского, проводимых следователем Зуевым, записи которых исследует рассказчик. Протокол – документ, удостоверяющий в подробностях какой-либо факт, соответственно, в романе он используется для придания достоверности описанию мыслей и убеждений Жестовского, который излагал сведения о себе и своей жизни следователю, убеждая того в своей философии правды, неукоснительному следованию истине: что представляет собой Агамемнон и его Царство, и что на самом деле с ними произошло. Протоколы как нельзя полно и точно дополняют рассказы Электры, подкрепляя ее слова исторической и биографической фактологией, поскольку содержат в себе записи слов Жестовского, сделанные непосредственно во время его допросов.

Наиболее интересным видится последний из обнаруженных эпистолярных жанров – донесения Жестовского. Как упоминалось выше, философия данного персонажа заключается в неукоснительном следовании правде, истине, в чем бы она ни заключалась и чего бы ни стоила самому герою или окружающим его людям. Наиболее отчетливо эта черта проявила себя в ухтинском эпизоде, где Жестовский, чтобы получить желанное место преподавателя немецкого языка, вынужден был сотрудничать с местным оперуполномоченным посредством «стукачества» через письменные доносы, написанные с талантом драматурга, «который, еще водя рукой, слышал, как каждое из них будет звучать» [Шаров 2018: 129]. Доносы превращены Жестовским в новый вид искусства, где глубокий анализ действительности сочетается с четко структурированной формой повествования. Философский смысл доносительства самим героем описывается весьма подробно: за «стукачеством» скрывается не только экономия времени на допросе арестованного и собственная жизненная необходимость, но также понимается некое покаяние доносящего перед властью и служение истине, добру, которое не всегда имеет доступную для обывательского сознания форму. Это можно наблюдать в эпизодах, посвященных анализу характеров Гарбузова (друга-соседа) и его дочери Наташи (школьной подруги Электры). Наиболее ярко стремление Жестовского к истине проявилось в эпизоде, описывающем антисоветские воззрения Галины и Наташи и последовавшее после этого отцовское наставление дочери. Поскольку Жестовский обладает неразборчивым почерком, Электра также вынуждена переписывать за отцом донесения, в т. ч. и на себя, демонстрируя покорность характера и преданность родителю, как и ее мифологическая предшественница.

Обнаруженные в романе эпистолярные представляют собой сложную переплетающуюся систему голосов, каждый из которых рассказывает некую часть истории, но в разных пропорциях. Большую часть текста составляют воспоминания Галины Николаевны, дневниковые записи Глеба и протоколы – полифония голосов, из которой соткан сюжет. Письма Электры и донесения Жестовского выполняют роль вставных эпизодов, дополняя и иллюстрируя основную ветвь событий. Единственное письмо Жестовского – завершение и философская кульминация романа.

В целом, наши наблюдения показали, что роман строится на многоступенчатом взаимодействии системы эпистолярных жанров, являющих собой историю XX века как «непосредственную данность», фактологию действительности, и древнегреческого мифа,

позволяющего приблизиться к сущностному смыслу этой «данности», разгадать ее прогностический вектор.

Литература

- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Собрание сочинений в 5 т. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
- Грейвс Р.* Агамемнон и Клитемнестра. Месть Ореста // Мифы Древней Греции. М. : Прогресс, 1992. С. 263–276.
- Еврипид.* Трагедии. В 2 томах. Т. 2. Перевод И. Анненского. М. : Наука, Ладомир, 1999. С. 5–65, 671–674.
- Константинов А. В., Резвых П. В. и др.* МИФ // Большая российская энциклопедия. Том 20. Москва, 2012. С. 475–477.
- Лихачев Д. С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 5–8.
- Софокл.* Драмы. В переводе Ф.Ф. Зелинского М. : Наука, 1990. С 270–322, 573–579.
- Фесенко О. П.* Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. С. 132–144.
- Шаров Вл.* Царство Агамемнона. М. : АСТ, 2018. 672 с.
- Эсхил.* Трагедии. Перевод Вяч. Иванова М. : Наука, 1989. С. 161–195.
- Ярхо В. Н.* Электра // Мифы народов мира М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 1116–1117.

Shemyakina M. P. Epistolary Interpretation of the Myth of Electra in the Novel «The Kingdom of Agamemnon» by V. Sharov

Abstract. The aim of this work is to reveal epistolary genres as a system manifesting the real reality of the twentieth century, and to show its essential meaning through interrelation with the ancient Greek myth, which is based on the story of the Mycenaean king Agamemnon, the champion of truth, and his daughter Electra. The factology of the tragic events of the recent century was highlighted by the depth of the myth, which allowed V. Sharov to show in the novel the image of a real man in real history as the truth.

Keywords: epistolary heritage, Electra, myth, Sharov, Agamemnon's kingdom

А. Ю. Носкова

(научн. руководитель Т. А. Снигирева)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Жанр письма в творчестве Александра Вавилова

Аннотация. Статья посвящена специфике жанра эпистолы в поэтическом творчестве А. Вавилова. Рассматриваются особенности субъектной и композиционной структуры стихотворений «Письмо», «Письмо с флота», «Письмо Барака Обамы», «Письмо из города бесов», «Письмо Одину», а так же своеобразие коммуникативной ситуации, реализуемой в художественном мире поэта. В результате анализа был сделан вывод о том, что эпистола является вариантом ролевой лирики А. Вавилова, а границы жанра письма в его индивидуально-авторском воплощении оказываются подвижны.

Ключевые слова: А. Вавилов, эпистолярный жанр, коммуникация, ролевые стихотворения, абсурд.